

**ПРЕОДОЛЕНИЕ
«БИОГРАФИЧЕСКОЙ ИЛЛЮЗИИ»:
О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ
«НОВОЙ БИОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ»**

В статье выявляются методологические основания «новой биографической истории» посредством анализа работ «Людовик IX Святой» Ж. Ле Гоффа и «Дамы на обочине» Н. З. Дэвис. Делается вывод о соответствии модели биографического исследования Ж. Ле Гоффа теоретическим установкам П. Бурдьё, а работы Н. З. Дэвис — просопографическому методу. «Новая биографическая история» в лице Ж. Ле Гоффа оценивается как вариант придания биографии научного статуса и как вариант обновления предмета истории.

Ключевые слова: биография, «новая биографическая история», предмет исторического исследования, метод исторического исследования, структура, индивид, просопография.

П. Бурдьё статью «Биографическая иллюзия» (1986) начинает с вполне определенного высказывания: «История жизни — это одно из тех понятий здравого смысла, которые незаконным путем проникли в научный мир» [1, с. 75]. Аргументируя выдвинутый тезис, он отмечает, что вся предшествующая традиция написания биографий/автобиографий (как линейных, так и нелинейных) никоим образом не может восприниматься в качестве научной в силу того, что стремление к пониманию жизни индивида как самодостаточного явления, описанного посредством последовательного изложения событий жизнедеятельности, создает иллюзорную связь между этими событиями, базирующуюся только на имени индивида, тогда как истинное (научное) понимание индивида предполагает выявление совокупности его социальных связей, определение его места в социальном поле. Категоричная и однозначная позиция П. Бурдьё, которую иногда эмоционально называли эпатажной и даже террористической, инкриминируя философу прежде всего «тотальный отказ от рассказов», не вызвала обоснованных возражений со стороны научного сообщества историков, молчаливо признавших правоту П. Бурдьё в отношении исторической биографии, тем более что научная историография изначально настороженно относилась к биографическому жанру.

Так, становление истории как науки в XIX в. было связано с использованием методологии позитивизма, согласной которой предметом изучения в конечном итоге являются закономерности общественного развития [2]. Поэтому даже введение «психологического начала» в рамках теории многофакторности позитивистов не могло привести к появлению научного интереса к личности, историческая биография по-прежнему оставалась особым литературным жанром.

**OVERCOMING
A “BIOGRAPHIC ILLUSION”:
ABOUT THE METHODOLOGICAL BASES
OF THE “NEW BIOGRAPHIC HISTORY”**

The article reveals the methodological bases of the “new biographic history” by analysing the works “Saint Louis IX” by J. Le Goff and “Ladies on the margins” by N. Z. Davies. It is concluded that the model of biographic research of J. Le Goff corresponds to the theoretical settings of P. Bourdieu, and the work of N. Z. Davies corresponds to the prosopographic method. “New biographic history” in the person of J. Le Goff is evaluated as a option of giving the biography a scientific status and as a option of updating the subject of history.

Keywords: biography, “new biographic history”, subject of historical research, historical research method, individual, prosopography.

Но, как отмечал П. Бурдьё, «мы имеем право говорить о науке, даже если наша наука колеблется и пребывает в зачаточной форме» [3]. Ввиду этого представляется возможным оценить некоторые, весьма немногочисленные, варианты написания исторических биографий в XX в. как научные, хотя и достаточно маргинальные по отношению к общей «иллюзии биографии».

Следует начать с работы британского историка Л. Нэмира «Structure of politics at the accession of George III» (1929), в которой он описал биографии всех членов английского парламента, выявляя действительные интересы, определявшие их парламентскую деятельность. В итоге коллективная биография стала научным обоснованием для опровержения утвердившегося в историографии мнения о существовании двухпартийной системы в английском парламенте в 60-х гг. XVIII в. [4]. В работе Л. Нэмира, впоследствии ставшей образцом просопографического исследования, индивид не становится предметом специального исторического исследования, но метод коллективной биографии пополняет арсенал количественных методов историографии, позволяющих решить научную проблему. На сегодняшний день просопография имеет статус специальной исторической дисциплины, основной задачей которой становится формирование баз данных биографий по отдельным исследовательским темам [5].

Появление психобиографии во второй половине XX в. можно считать ещё одной результативной попыткой написания научной исторической биографии: соединение психоанализа и исторической биографии, по сути, впервые привело к использованию теоретической основы для осмысления жизни индивида. Так, в «Молодом Лютере» (1958) Э. Эрикссон, используя классический психоанализ, описывает

процесс становления новой идентичности, воспринятой впоследствии другими людьми, что в конечном итоге позволяет ему выйти на объяснение появления протестантизма [6]. «Молодой Лютер», самая известная биография, написанная Э. Эриксоном, ознаменовала и рождение психологии как одного из малопопулярных направлений научной историографии [7].

Но только в 90-х гг. XX в. произошел настоящий прорыв в области биографических исследований в историографии: книга «Людовик IX Святой» Ж. Ле Гоффа [8] была оценена научным историческим сообществом как событие в новейшей историографии, как подлинная историческая наука. А почти одновременная публикация биографического исследования известного историка Н. З. Дэвис «Дамы на обочине» [9] позволила рецензентам прийти к обоснованному выводу о появлении «новой биографической истории» (по аналогии с понятиями «новая социальная история», «новая культурная история», «новая политическая история») как направления, с которым связаны перспективы развития современной историографии [10].

Что касается «Людовика IX Святого», то сам Ж. Ле Гофф во введении к монографии полностью солидаризируется с П. Бурдьё, характеризуя имеющуюся на сегодняшний день традицию написания исторической биографии как «биографическую иллюзию», и видит своё предназначение как биографа в уходе от надуманной логики этой традиции [8, с. 19]. Более того, он точно обозначает и принимает для себя в качестве исследовательской задачи проблему, являющуюся центральной в социологии П. Бурдьё, а именно: выявление механизма взаимодействия структуры и индивида, позволяющего снять противоречие между структурами общества и свободой индивида (агента). Он даже убежден, что при написании биографии быстро справился с этим мнимым противоречием, несостоятельность которого уже доказал П. Бурдьё [8, с. 22].

Снять это, как считает Ж. Ле Гофф, мнимое противоречие структуры и индивида ему удалось благодаря использованию для написания биографии Людовика Святого модели биографического исследования, предложенной П. Бурдьё в той же «Биографической иллюзии». Суть этой модели сводится к выявлению положения индивида в направленном социальном пространстве, что, в свою очередь, предполагает уяснение траектории движения индивида в различных социальных полях, а последнее невозможно без предварительного построения последовательных состояний этих полей [1, с. 80–81]. Таким образом, по мнению П. Бурдьё, строгое описание личности — это описание множества позиций, которые в определенный момент времени заняты социально обусловленной биологической индивидуальностью, действующей как агент в различных социальных полях.

Модель, предложенная П. Бурдьё, реализована Ж. Ле Гоффом в первой и третьей частях биографии. Описание жизни Людовика Святого дается в них как описание действий агента в многомерном социальном пространстве, включающем множество подверженных изменению социальных полей (экономическое, политическое, интеллектуальное, религиозное, семейное).

Но если в первой части «Жизнь Людовика Святого» историк в целом придерживается хронологического подхода к структурированию текста, то в третьей части «Людовик Святой, король идеальный и уникальный» уже полностью отказывается от него. При этом Ж. Ле Гофф вообще не ставит вопрос о выявлении взаимосвязи между обозначенными им социальными полями, что вполне в духе П. Бурдьё и кардинально отличается от той «тотальной истории», которая считалась идеальной моделью исторического исследования у школы «Анналов», чьим выдающимся представителем называют Ж. Ле Гоффа. Не отказываясь от идеи тотальной/глобальной истории, французский историк понимает её уже не как неразрывную ткань исторического повествования, обеспечивающую понимание какого-либо исторического периода или события, но как определение положения индивида в различных социальных полях, когда «глобализующим» объектом становится именно индивид, вокруг которого организуется всё исследовательское поле [8, с. 17].

Вторая часть монографии «Производство памяти о короле. А был ли Людовик Святой?», по сути, представляет собой развернутую критику источников (что является обязательным требованием к научному историческому исследованию), начиная с Леопольда фон Ранке. Это ещё раз подчеркивает принципиальное отличие биографии, написанной Ж. Ле Гоффом, от предшествующей биографической традиции, напроць лишенной научной рефлексии по поводу своей источниковой базы.

В третьей части биографии Ж. Ле Гофф исследует различные социальные практики Людовика Святого: освоение пространства и времени; эстетические вкусы; слова и жесты; королевские функции; пребывание в семейном кругу, благочестие; конфликты и критику; помазанника Божия, чудотворца, святого; язык тела. Описание Ж. Ле Гоффом социальных практик предполагает уяснение того, как «вырастает некий образцовый и уникальный Людовик Святой» [8, с. 398], т. е. как он, используя определенные общественные институты, осуществляет свой выбор, тем самым меняя их, о чем, кстати, свидетельствует канонизация Людовика IX сразу после его смерти.

Описание социальных практик Людовика Святого Ж. Ле Гоффом соответствует пониманию социальных практик, осмысленных П. Бурдьё в теории габитуса, выявляющей соотношение структуры, габитуса и практики, особенно в той части, когда Бурдьё подчеркивает невозможность выведения практики ни из настоящих условий, ни из прошлых, порождающих габитус, несмотря на то, что практики стремятся воспроизводить закономерности [11, с. 46]. Так, определяя своё видение Людовика Святого, историк указывает на невозможность понимания индивида, исходя только из знания структур, что определяет необходимость изучения индивидуальных практик, учитывающих выбор индивида: «В условиях XIII века Людовик Святой не шел навстречу своей судьбе святого короля неуклонно, согласно моделям, господствовавшим в его время. Он строил себя и свою эпоху в той же мере, как она строила его. И этот процесс состоял из случайностей, сомнений и выбора» [8, с. 19].

В конечном итоге Ж. Ле Гофф разделяет то понимание исторического процесса, которое предлагает П. Бурдьё: история — это постоянное порождение социальных структур в процессе индивидуальных и коллективных практик, которые производит габитус, будучи сам продуктом истории [11, с. 45]. Поэтому в современной ситуации, характеризующейся нарастанием критической ревизии основ истории, перспективы развития исторической науки в целом, а не только перспективы развития исторической биографии Ж. Ле Гофф связывает именно с изучением индивида, понимаемого, по сути, как актор [8, с. 17]. Именно это осознание важности поиска путей обновления предмета исторической науки, позволяющее углубить понимание исторического процесса, подвигло историка на радикальный поворот в его исследовательской практике от истории ментальности к «новой биографической истории».

Введение количественной характеристики в название работы Н. З. Дэвис — «Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века» («Women on the margins. Three seventeenth-century lives») — уже свидетельствует о том, что автор не претендует на написание биографического исследования, но использует описание жизни своих героинь для освещения некоей проблемы. Хотелось бы отметить очень удачный вариант перевода на русский язык названия книги, точно отражающий и статус героинь, и сущность проблемы, и уровень биографических претензий автора, хотя первоначально предлагался вариант «Женщины на периферии. Три биографии XVII века» (1997).

Книга Н. З. Дэвис начинается с непринужденного диалога между автором и её героинями, что, на первый взгляд, выглядит весьма экстравагантно. Обращаясь к иудейке Гликль бас Иуде Лейб, католичке Мари Воплощения и протестантке Марии Сибилле Мериан, Н. З. Дэвис пытается рассказать им, что же привлекло её внимание в их биографиях. Несмотря на изысканный литературный стиль «Пролога», автор вполне четко определяет свою исследовательскую стратегию, состоящую в выявлении связи «обочины» (маргинальности), на которой оказались её героини, и их предприимчивости, реализовавшейся в разных сферах деятельности [9, с. 9–10]. Фактически речь идет о выявлении природы творческого потенциала индивида в период раннего Нового времени.

При этом маргинальность своих героинь Н. З. Дэвис видит вовсе не в отклонении их поведения от социальной нормы, принятой в обществе, но в удалении от центров власти разного рода (политической, королевской, административной), так как Гликль была еврейкой, а Мари и Мария Сибилла не принадлежали к аристократическому сословию, а также в их отдалении от центров образования и культуры. И это маргинальное пространство не было убогим, но было пограничным между культурными слоями, что создавало возможность для появления нового [9, с. 243–244]. Понимание маргинальности персонажей у Н. З. Дэвис не имеет никакого социально-экономического смысла, её «обочина» — это культурно-историческая периферия, достаточно удаленная от «центров власти и иерархических структур» и дающая, в силу этого, возможность для творческого маневра.

Обращение к биографиям именно женщин, с точки зрения рассмотрения общей проблемы, по мнению Н. З. Дэвис, не имеет принципиального значения, так как «многие европейские мужчины также были отлучены от властных структур в силу своего происхождения или ремесла, своего имущественного положения или религии» [9, с. 245]. Просто биографии женщин, в силу их большего притеснения в обществе, позволяют более наглядно продемонстрировать их маргинальное положение, что лишней раз подчеркивает «прикладной» характер использования биографий в монографии Н. З. Дэвис.

Все три биографии книги Н. З. Дэвис написаны по одному сценарию, включающему определенные блоки: семейные отношения (отношения с мужем, детьми, родителями), религиозные убеждения, торгово-ремесленный стиль работы, гендерные предпочтения. При этом трудно сказать, насколько выделение этих ключевых вопросов определялось содержанием источника, а насколько — интересом самого историка, задававшего вопросы источнику. Ведь для самой Н. З. Дэвис, судя по лекции «Жизнь познания», в которой она описывает свою интеллектуальную историю [12], семья и религия имели определяющее значение, в том числе и в профессиональной сфере: устойчивый интерес к истории религии, прежде всего к иудаизму, и гендерной истории характерен для всех её работ. Но, так или иначе, Н. З. Дэвис удалось определить основные области жизнедеятельности женщин в XVII в., чтобы выявить в этих сферах жизни как маргинальность своих героинь, так и их способность к творческой реализации.

Установление не в одной, а в трех биографиях наличия маргинальности и творческой самореализации позволяет Н. З. Дэвис сделать обоснованный вывод об их взаимосвязи, о роли «обочины» в становлении нововременного индивида. Кстати, критика источников как обязательное требование к историческому исследованию содержится в «Примечаниях», которые составляют одну треть монографии, что также не позволяет усомниться в научном статусе «Дам на обочине».

В целом же факт написания не отдельных биографий, но совокупности биографий для выяснения общей проблемы позволяет определить метод, использованный в «Дамах на обочине», как метод коллективной биографии, т. е. просопографический, когда биография является лишь средством, а не целью исследования. Поэтому, несмотря на безусловное новаторство в проблематике исследования и источниковой базе, монография Н. З. Дэвис не отличается методологической оригинальностью, а у неё самой полностью отсутствует, что вполне понятно, рефлексия по поводу исторической биографии.

Выявление методологических основ самых репрезентативных образцов «новой биографической истории» позволяет уточнить содержание самого понятия. Так, можно понимать «новую биографическую историю» в широком смысле, как явно обозначившийся в современной историографии тренд на придание научного статуса биографии. А можно — как появление нового направления в развитии современной историографии, претендующего на изменение предмета истории, когда новым центром исторического

синтеза должен стать индивид (актор), а не общественные законы или структуры. В этом случае круг представителей «новой биографической истории» сужается до одного Ж. Ле Гоффа.

Последнее ни в коей мере не умаляет значения труда Ж. Ле Гоффа, предложившего новую модель исторического исследования, позволяющую снять противоречие между структурой и индивидом, между макроисторией и микроисторией. Преодоление им «биографической иллюзии» на основе идей П. Бурдьё не просто активизировало научный интерес к биографии, но поставило на повестку дня вопрос обновления предмета исторического исследования. Другое дело, что восприятие научным историческим сообществом «Людовика IX Святого» как, безусловно, новой парадигмы потребует времени.

1. Бурдьё П. Биографическая иллюзия / пер. Е. Ю. Мещеркиной // Интер. 2002. № 1. С. 75–81.

2. Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. — 1917 г.). Гродно : ГрГУ, 2003. 349 с.

3. Пьер Бурдьё, Роже Шартье. Социологическая «истина» причиняет страдания: интервью / пер. с фр. Н. Вокуева // Сигма : [сайт]. URL: <https://syg.ma/@nikolai-vokuiev/pier-burdie-sotsiologichieskaia-istina-prichiniaiet-stradaniia> (дата обращения: 23.04.2020).

4. Доброва Е. А. Льюис Нэмир — личность в истории // Россия и Британия. Вып. 3. В мире английской истории.

Памяти академика В. Г. Трухановского. М. : Наука, 2002. С. 260–268.

5. Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии // Изв. Урал. гос. ун-та. 2005. № 39. С. 95–127.

6. Эриксон Э. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. М. : Моск. филос. фонд «Медиум», 1996. 506 с.

7. Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю., Гульбин Г. К. Американская буржуазная «психоистория» : критический очерк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. 273 с.

8. Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой / пер. В. Матузовой. М. : Ладомир, 2001. 800 с.

9. Дэвис Н. З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века / пер. с англ. Т. Доброницкой. М. : Новое литературное обозрение, 1999. 400 с.

10. Репина Л. П. Историческая биография и «новая биографическая история» // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Спец. вып. Историческая биография и персональная история. С. 5–11.

11. Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб. : Алетей, 2001. 562 с.

12. Davis N. Z. A Life of Learning (Charles Homer Haskins Prize Lecture) // American Council of Learned Societies occasional paper. 1997. № 39. URL: https://publications.acls.org/OP/Haskins_1997_NatalieZemonDavis.pdf (дата обращения: 22.04.2020).

© Синельникова Г. А., 2020

УДК 101.1+177.7

Науч. спец. 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-27-51-54

ВРАЧЕБНАЯ ОШИБКА: ФИЛОСОФСКИЙ, ЭТИКО-КУЛЬТУРНЫЙ, ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматриваются философский, этико-культурный, правовой аспекты проблемы врачебной ошибки. Сравниваются этический и правовой статус врачебной ошибки. Ставится вопрос о существующих и возможных границах ответственности врача за совершенную ошибку. Утверждается, что отношение к врачебной ошибке в обществе менялось в зависимости от роли врача в культуре. Рассматривая понятие ошибки в философском и религиозном контекстах, автор статьи утверждает, что формальное медицинское право оказывается недостаточным для определения вины врача за совершенную им ошибку. В статье предлагается переместить фокус внимания с внешних факторов на внутреннюю этическую позицию врача.

Ключевые слова: врачебная ошибка, право, этика, нравственность.

М. В. Чалдышкина

M. V. Chaldyshkina

MEDICAL ERROR: PHILOSOPHICAL, ETHICAL AND CULTURAL, LEGAL ASPECTS OF THE PROBLEM

The article discusses philosophical, ethical and cultural, legal aspects of the problem of medical error. The article compares the ethical and legal status of medical error. The study addresses the question of present and possible bounds of doctor's liability for making errors. The author states that attitude to medical errors in society had changed depending on the doctor's role in the culture. Considering the concept of error in philosophical and religious contexts, the author states that formal medical law is not sufficient to determine the doctor's guilt for his error. The article proposes to shift the focus of attention from external factors to the internal ethical position of the doctor.

Keywords: medical error, law, ethic, morality.